

Ограничение свободы передвижения в условиях режима повышенной готовности

Н. П. ЗАРЯЕВА

Воронежский институт повышения квалификации сотрудников Государственной противопожарной службы МЧС России, г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9496-2520>, e-mail: nzaryaeva@yandex.ru

И. Л. ОЛИЙНЫК

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8317-1128>, e-mail: oliynyk_k_ap@mail.ru

Реферат

Введение: статья посвящена рассмотрению режима повышенной готовности и сопутствующих ему ограничительных мер в части свободы передвижения, введенных в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции COVID-19. *Цель:* на основе теоретико-правового анализа исследовать сущность режима повышенной готовности и комплекса противоэпидемиологических мероприятий, реализуемых для предотвращения распространения пандемии COVID-19, конституционность, обоснованность ограничений права личности на свободу передвижения и соразмерность вводимых ограничительных мероприятий (карантин, полная самоизоляция) в отношении особо уязвимой категории – пожилых лиц. *Методы:* диалектический, теоретические методы формальной и диалектической логики, сравнительно-правовой, системно-структурный, метод толкования правовых норм и др. *Результаты:* проведенное исследование позволяет установить существующую правовую неопределенность терминологического аппарата режима повышенной готовности, а также отсутствие законодательно ограниченного правового предела его действия (периода существования) и механизма непосредственной реализации. Аргументируется несоразмерность ограничения свободы передвижения для лиц в возрасте 65 лет и старше в контексте интересов охраны их здоровья. Определяются гарантии ограничения реализации права личности на свободу передвижения: правомерность, обоснованность временных административно-правовых мер; баланс между частными (сохранение защищенности правового статуса) и публичными (предупреждение распространения инфекции) интересами; особенности эпидемиологической обстановки; комплекс своевременных мероприятий, направленных на обеспечение особо уязвимых категорий граждан всем жизненно необходимым. *Выводы:* предлагается трактовать ограничение реализации прав личности в условиях режима повышенной готовности как основанное на законодательстве вмешательство государства (посредством принятия соразмерных мер ограничительного характера) в сферу частной автономии индивида с целью защиты национальной безопасности, общественного порядка, жизни и здоровья человека. Обоснована актуальность регламентации в отраслевом законодательстве положений, определяющих круг обстоятельств введения режима повышенной готовности, пределы, границы, объем дополнительных полномочий специальных субъектов и рамки возможного усмотрения; средства, обеспечивающие данный административно-правовой режим; перечень прав и свобод, подлежащих ограничению при его установлении, а также механизм их защиты.

Ключевые слова: права и свободы граждан; свобода передвижения; пандемия COVID-19; режим повышенной готовности; ограничительные меры; соразмерность; граждане пожилого возраста (лица 65 лет и старше).

12.00.14 – Административное право, финансовое право, информационное право.

Для цитирования: Заряева Н. П., Олийнык И. Л. Ограничение свободы передвижения в условиях режима повышенной готовности. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 2 (54), с. 308–320. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-308-320.

Restriction of the Freedom of Movement under a High-Alert Regime

NATAL'YA P. ZARYAEVA

Voronezh institute of Advanced Training of Employees of the EMERCOM of Russia, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9496-2520>, e-mail: nzaryaeva@yandex.ru

INNA L. OLIYNYK

Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8317-1128>, e-mail: oliynyk_k_ap@mail.ru

Abstract

Introduction: the article considers the high-alert regime and the associated restrictive measures related to the freedom of movement and introduced in connection with the threat of the spread of COVID-19. *Aim:* with the help of theoretical and legal analysis, we investigate the nature of the high-alert regime and the set of anti-epidemic measures implemented to prevent the spread of the COVID-19 pandemic; we also analyze the constitutionality and validity of restrictions on the right of an individual to freedom of movement and the proportionality of the restrictive measures imposed (quarantine, complete lockdown) in relation to the elderly, a particularly vulnerable population group. *Methods:* dialectical method, theoretical methods of formal and dialectical logic, comparative legal method, system-structural method, method of interpretation of legal norms, and others. *Results:* the research allows us to say that the set of terms related to the high-alert regime is not clearly defined from the legal perspective; moreover, there is no legally bounding limit to its operation (the period of its being in effect) and a mechanism for its direct implementation. We argue that the restriction of the freedom of movement for persons aged 65 and older is disproportionate in the context of their health protection interests. The article defines the following guarantees of restricting the exercise of the individual's right to freedom of movement: the legality and validity of temporary administrative and legal measures, the balance between private interests (preserving the protection of the legal status) and public interests (preventing the spread of the infection), specifics of the epidemiological situation, a set of timely measures aimed at providing particularly vulnerable categories of citizens with everything vital. *Conclusions:* we propose to interpret the restriction of the exercise of an individual's rights under a high-alert regime as a legally justified state intervention (through the adoption of proportionate restrictive measures) in the sphere of an individual's private autonomy in order to protect national security, public order, human life and health. We consider it necessary that legislation should specify the provisions defining the range of circumstances when a high-alert regime is to be introduced, the limits, boundaries and scope of additional powers of special actors, and the scope of possible discretion; the means to ensure this administrative and legal regime; the list of rights and freedoms subject to restriction when it is established, as well as the mechanism for their protection.

Keywords: citizens' rights and freedoms; freedom of movement; COVID-19 pandemic; high alert regime; restrictive measures; proportionality; elderly citizens (persons aged 65 and older).

12.00.14 – Administrative law, financial law, information law.

For citation: Zaryaeva N.P., Oliynyk I.L. Restriction of the freedom of movement under a high-alert regime. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 308–320. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-308-320.

Введение

Наивысшей социальной ценностью в Российской Федерации признаются человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство,

неприкосновенность и безопасность. Именно права и свободы человека и гражданина, уровень их обеспечения определяют содержание и демократическую направленность

деятельности государства. Способность лица в полной мере реализовать предоставляемые ему права и свободы обусловлена наличием значительного количества благоприятных условий для его самореализации как конкретной личности и члена демократического общества.

При этом существуют ситуации, при которых для предотвращения угрозы и обеспечения безопасности и здоровья граждан могут быть введены определенные ограничения, затрагивающие конституционные права, свободы человека и гражданина. Так, пандемия COVID-19 стала одним из крупнейших вызовов XXI в., коснувшись практически всех аспектов бытия человечества. Ведение противоэпидемиологических мероприятий (карантина), направленных на минимизацию негативных последствий коронавирусной инфекции, повлекло за собой временные запреты и ограничения ряда основных прав граждан. Особые ограничения, выражающиеся в режиме полной самоизоляции, коснулись людей старшего поколения. Внесенные в их жизнь коррективы существенно снизили уровень коммуникации, жизненной активности, усилили тревожность и страх перед социальной изоляцией.

Между тем в контексте преследования легитимной цели ряд важных вопросов решается при отсутствии должного нормативного основания путем публичного администрирования. Обстоятельства новой реальности диктуют необходимость проведения анализа обеспечения защиты прав и интересов граждан пожилого возраста, а также определения соразмерности ограничительных мер, вводимых в рамках режима повышенной готовности.

Основная часть

Свобода представляет собой возможность избрать ту или иную модель поведения по своему усмотрению. Границы свободы индивида в обществе нужны для организации совместной жизни. В широком смысле свобода характеризует общее состояние человека, его социальный статус. В более узком, правовом, понимании она характеризуется возможностью человека совершать те или иные конкретные действия в пределах, установленных правом.

Свобода человека является естественной, неотчуждаемой и существует независимо от государства и права. Вместе с тем государство и право необходимы для обе-

спечения беспрепятственной реализации прав и свобод личности.

Свобода передвижения физических лиц является основополагающим понятием правовой системы любого демократического государства, ведь именно степень защиты и пределы реализации свободы передвижения выступают индикатором уровня развития общества в целом, а также его правовых, экономических и социально-культурных институтов в частности.

Право на свободу передвижения и свободный выбор места пребывания (жительства) декларировано в ст. 27 Конституции Российской Федерации. Данное право относится к фундаментальным свободам человека, удовлетворяющим его индивидуальные потребности. Оно отражает степень социально оправданной свободы поведения человека, его личной автономии от государственного принуждения, предоставляется и охраняется государством. Занимая важное место в числе личных прав, свобода передвижения тесно связана с другими группами прав и свобод.

Отдельные аспекты права человека на свободу передвижения, а также вопросы ограничения данного права со стороны государственных институтов не теряют своей актуальности и постоянно привлекают внимание исследователей [4–8; 12–14; 18–20]. Между тем проблема соразмерности ограничений как средства правового воздействия в период действия режима повышенной готовности на территории нашей страны исследована недостаточно.

Термин «свобода передвижения» используется в научной литературе и законодательстве в широком и узком смыслах. В широком смысле он включает в себя право на свободу передвижения и свободный выбор места жительства в пределах государства, право свободно выезжать за пределы территории государства, право беспрепятственно возвращаться на территорию своего государства. В узком смысле это право лица на законных основаниях находиться на территории какого-либо государства, свободно и беспрепятственно передвигаться по этой территории с учетом ограничений, установленных законом. В статье мы будем вести речь о свободе передвижения в узком ее понимании.

Конституция Российской Федерации защищает гражданина, ограничивая публичную власть в возможности посягать на его

права и сферу свободы. Конституционные ограничения и ограничения конституционных прав не являются тождественными понятиями, так как Основной закон является определенным ограничителем деятельности государства, государственных органов, общества и человека. Закрепленные в Конституции Российской Федерации основания правового ограничения прав и свобод человека и гражданина базируются на принципе сочетания частных и публичных интересов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ограничению подлежит не само право, а лишь его реализация.

Правовым подтверждением этого выступает Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.: «осуществление прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц» (ст. 8, 10, 11).

Термин «ограничение» трактуется как «грань, предел, рубеж; удержание в известных рамках; правило, ограничивающее какие-либо права, действия; стеснение определенными условиями; ограничение сферы деятельности, сужение возможностей и т. п.» [1].

Как отмечает В. И. Крусс, «в праве в широком смысле – включая его позитивную базу и юридическую практику – действительно могут быть показаны и классифицированы самые разнообразные ограничения как элементы системы права и средства (функционалы) механизма обеспечения правопорядка. Однако до и помимо таких изысканий и “достижений” развивающаяся на основе конституционного правопонимания юридическая наука призвана, прежде всего, отвечать на вопросы о том, насколько и почему легальные ограничения являются правовыми как одновременно допустимыми, приемлемыми и практически состоятельными, то есть конституционными» [11].

С точки зрения С. С. Алексеева, ограничение – это «вопрос об объеме регулирования, о границах имеющихся у лиц прав, которые характеризуют результат юридического регулирования». Достигается такой результат путем сужения дозволений, новых запрещений, дополнительных позитивных обязываний [3]. Иными словами, правовое ограниче-

ние может выступать как в форме запрета, так и в форме обязанности. А. Н. Кокотов указывает, что любое установление нормативным актом юридических обязанностей или юридической ответственности индивидов является прямым или косвенным ограничением прав и свобод человека и гражданина [10].

Ограничения носят превентивный характер и представляют собой исключительную меру, основанную на законе и устанавливающую допустимые пределы реализации индивидом своих прав и свобод.

Определенные ущемления свободы поведения, вызываемые ограничительными мерами, избавляют от возможных неблагоприятных последствий как субъектов, в отношении которых действуют ограничения, так и иных лиц. Базовый критерий ограничений прав личности – законность. Основная их функция – охрана общественных отношений в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Нормы, предусматривающие возможность ограничения реализации прав и свобод человека, содержатся как в национальных (Конституция Российской Федерации, закон Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»), так и в международных нормативных правовых актах. При этом способы такого ограничения определяются непосредственно нормами национального законодательства.

Среди действующих международных стандартов, предусматривающих определенные ограничения свободы передвижения и свободного выбора места жительства, можно выделить Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. (далее – Декларация).

Важно подчеркнуть, что в Декларации конкретно не определена возможность ограничения права личности на свободу передвижения и свободный выбор места жительства. В ней содержатся общие положения об ограничениях, которые касаются всех гарантированных прав и свобод, а значит, и свободы передвижения (п. 2 и 3 ст. 29). Как указано в Декларации, при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям,

какие установлены законом, исключительно в целях:

- обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других лиц;
- удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе;
- невозможности осуществления прав и свобод, противоречащих целям и принципам Организации Объединенных Наций.

Между тем ограничение свободы передвижения прямо предусмотрено в п. 3 ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – Пакт). Для применения такого ограничения необходимо «наличие угрозы государственной безопасности, общественному порядку, здоровью или нравственности населения или правам и свободам других лиц, и они должны быть совместимы с другими правами, определенными в этом Пакте». Также положения о возможности ограничения свободы передвижения содержатся в п. 3 ст. 2 протокола № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

На сегодняшний день не сложилось единого подхода к определению перечня принципов правового ограничения прав человека. Например, А. А. Подмарев, рассматривая конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина, предлагает выделять такие принципы, как признание человека, его прав и свобод высшей ценностью и уважения достоинства личности; соответствие и соразмерность ограничений конституциональным целям; принцип равенства; ограничение прав и свобод по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; требование определенной правовой формы закрепления ограничений; соответствие ограничений международным стандартам [17, с. 74]. При этом среди всего многообразия принципов ограничения прав и свобод ключевым следует считать принцип законности, поскольку именно он обеспечивает оптимальный баланс интересов субъектов правового ограничения.

К основным признакам правовых ограничений можно отнести: 1) сужение содержания и (или) объема прав и свобод человека; 2) формальную определенность ограничения; 3) конституционно определенные цели ограничения; 4) возможность применения ограничения государством.

Правомерное вмешательство в реализацию прав человека возможно при наличии определенных условий и оснований. В юридической литературе выделяют формальные (неопределенный круг субъектов, в отношении которых применяются правовые ограничения, четкость, стабильность, предсказуемость, доступность, соответствие процедуре принятия и ряд других) и материальные (сохранение содержания конституционных прав и свобод человека и гражданина) основания ограничений.

Среди важных условий, предъявляемых к ограничительным мерам, можно назвать: 1) законодательную закрепленность возможности ограничения реализации права; 2) объективную необходимость ограничений в демократическом обществе; 3) легитимность цели ограничения.

Практика многих стран показывает, что на сегодня наибольшую опасность правам и свободам человека представляет глобальная пандемия COVID-19, поскольку в ответ на ее распространение демократические государства повсеместно ограничили реализацию права на свободу передвижения, личную жизнь, право собственности и ряд других фундаментальных прав, гарантированных национальными конституциями и международными договорами. Данный факт был отмечен Генеральным секретарем ООН Антониу Гутеррешем. В его докладе подчеркивается, что «пандемия COVID-19 представляется кризисом не только охраны здоровья, но экономическим и социальным, которые в мире быстро становятся кризисом прав человека» [24].

Можно сказать, что глобальная пандемия COVID-19 создала серьезные вызовы государственным механизмам реализации и защиты основных прав и свобод человека. При этом, как подчеркивают А. Бурлаку, Р. Крисан-Дабижа и др., единых подходов к реагированию со стороны законодателя и правоприменителя в мире выработано не было [25].

Так, жесткие ограничения, включающие почти полное закрытие границы, были инициированы Чешской Республикой, Польшей, Эстонией и Норвегией. Другая группа стран, в которую входят Германия, Швейцария и Дания, ввела абстрактное различие между необходимыми и необязательными поездками, основанное на причине пересечения границы. Тем, кто живет или работает в стране, а также тем, кто находится в

пути, обычно разрешается въезд, в то время как другим отказывается в этом праве, если они не могут продемонстрировать законные причины. Венгрия и Литва ограничили право на въезд лицам из регионов с высоким риском. Несколько стран ввели жесткие ограничения на внутреннюю мобильность, однако систематически не ограничивали доступ в страну (Италия, Франция, Бельгия и Испания) [28].

В Украине ограничения права на свободу передвижения, применяемые на территории государства для предотвращения распространения инфекции, оцениваются рядом исследователей как неконституционные и нарушающие фундаментальные человеческие свободы [27].

И. Фреклтон, рассматривая решения судов в Австралии и Кении (*The Victorian Supreme Court judgment of Loielo v Giles (2020) VSC 722, Kenyan judgment of Law Society of Kenya v Mutuambai (2020)*), указывает на то, что принятие решения о длительном введении комендантского часа в целях сокращения распространения вируса COVID-19 было обоснованным [23].

Федеральное правительство Бельгии приняло ряд решений о введении жестких ограничений во время пандемии COVID-19, которые, как отмечают Т. Вансуевельт и Ф. Девалленс, являются отступлением от действующего законодательства об основных правах и свободах (свободы ассоциаций и свободы передвижения) [29].

Дж. Рамджи-Ногалес и И. Гольднер Ланг характеризуют ограничения свободы передвижения, введенные США и Европейским Союзом, как серьезный вызов фундаментальным принципам, указывая на то, что свободное передвижение людей без пограничного контроля является основной причиной существования Европейского Союза, а защита лиц, спасающихся от преследований, была основным обязательством Соединенных Штатов с момента их основания. Последствия закрытия, по мнению указанных исследователей, подвергают серьезному риску уязвимые группы населения, которые якобы защищены этими внутренними и международными правовыми обязательствами [26].

Публичная власть в России впервые столкнулась с подобной ситуацией, а следовательно, в стране отсутствовал опыт управленческой деятельности в такого рода условиях. Однако сдерживание масштабов

и снижение распространения коронавирусной инфекции COVID-19 объективно потребовали от компетентных органов режимного регулирования с последующим принятием неординарных мер реагирования.

Правовые ориентиры в области защиты жизни и здоровья граждан в ситуациях, связанных с распространением заболеваний в России, содержатся в административном законодательстве. Базовым здесь является Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее – ФЗ-№ 52). В нем закреплено понятие «ограничительные мероприятия (карантин)», под которыми следует понимать «административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств, грузов, товаров и животных».

Коронавирусная инфекция (COVID-19) отнесена к перечню заболеваний, представляющих опасность для окружающих. В подобных ситуациях законодатель предусматривает несколько вариантов реагирования со стороны государства, а именно возможность введения особого правового режима чрезвычайного положения, режима повышенной готовности, а также дополнительных ограничительных и санитарно-противоэпидемических мероприятий. Указанные режимы различаются по степени ограничительного воздействия, что позволяет государству выбрать оптимальный сценарий реагирования.

Ситуации, требующие введения специального административно-правового регулирования, вызваны действием разных факторов. Профессором И. Л. Петрухиным предложена классификация, которая включает три основные группы:

1. Стихийные бедствия (землетрясения и извержения вулканов, наводнения и цунами, ураганы и смерчи, сильные и продолжительные засухи или морозы, обвалы, лавины и сели, необычно повышенная солнечная радиация, выпадение метеоритов и других космических тел).

2. Крупные катастрофы, связанные с эксплуатацией техники, испытаниями (взрывы, крушения поездов, кораблей, летательных аппаратов, пожары, представляющие осо-

бую опасность для населения и причиняющие значительный вред, катастрофы на атомных электростанциях, других объектах использования атомной энергии в мирных или военных целях, повлекшие значительное повышение радиационного излучения, крупные катастрофы на заводах, фабриках, нефте- и газопроводах, обнаружение захоронений радиоактивных и ядовитых веществ, представляющих опасность для жизни и здоровья населения данной местности, значительное и стабильное превышение предельно допустимых концентраций вредных веществ в воздухе, воде и земле, повлекшее остановку производства и гибель людей).

3. Биологические факторы (эпидемии, эпизоотии, нашествия саранчи и других вредных насекомых) [16, с. 46].

Как справедливо отмечает ученый, данные факторы могут создавать различные опасные ситуации как непосредственно для личности, так и в целом для общества и государства, что влечет необходимость специального административно-правового регулирования со стороны власти.

Для административных режимов в рамках государственного управления характерна возможность использования специфических правовых средств, форм и методов государственного управления, ограничения прав и свобод граждан, возложения дополнительных обязанностей, расширения полномочий органов публичной власти.

Множественность факторов, являющихся основанием для введения административно-правового режима, усложняет конструирование обобщенных административных режимов.

Как правило, введение специального правового регулирования обосновывается обеспечением защиты личности и государства в ситуациях, связанных с социальными конфликтами, обстоятельствами природного, техногенного и биологического характера. Примером тому служит упомянутая ранее вспышка коронавирусной инфекции COVID-19. Так, принимая во внимание масштабы последствий пандемии, во всех 85 субъектах Российской Федерации был введен режим повышенной готовности, получивший закрепление в ст. 4.1 Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – ФЗ-№ 68). При этом в 44

субъектах нашей страны данный режим был признан обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором).

Режим повышенной готовности предусматривает возможность введения ограничительных мероприятий на основании «предложений, предписаний главных государственных санитарных врачей и их заместителей решением Правительства Российской Федерации или органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органа местного самоуправления, а также решением уполномоченных должностных лиц федерального органа исполнительной власти или его территориальных органов, структурных подразделений, в ведении которых находятся объекты обороны и иного специального назначения» (ч. 2 ст. 31 ФЗ-№ 52).

Непосредственный перечень ограничительных мероприятий закреплен в п. 10 ст. 4.1 ФЗ-№ 68. В частности, на основании данного закона власти вправе ограничивать доступ людей и транспортных средств на территорию, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации; приостанавливать деятельность организаций при существовании угрозы безопасности жизнедеятельности работников и иных граждан; осуществлять иные меры, не ограничивающие права и свободы человека и гражданина; создавать необходимые условия для предупреждения и ликвидации чрезвычайной ситуации и минимизации ее негативного воздействия. Также органы управления устанавливают порядок использования различных резервов, в том числе транспортных средств и средств оповещения, на случай возникновения чрезвычайной ситуации.

Анализ показал, что режим повышенной готовности занимает особое положение, отличное по жесткости и объему правоограничений, и уступает мерам, предусмотренным режимом чрезвычайного и военного положения.

Наряду с этим проведенное исследование позволяет констатировать существующую правовую неопределенность терминологического аппарата режима повышенной готовности, круга обстоятельств его введения, а также отсутствие законодательно ограниченного правового предела действия (периода существования) указанного режима и непосредственного механизма его реализации. Представляется, что отсутствие

формально определенных границ использования особого правового режима может повлечь административный произвол и дисбаланс в системе разделения властей, а также вызвать конфликт основных прав человека, предусмотренных отечественным законодательством и международным правом.

Проблема конституционности и обоснованности ограничения прав и свобод личности актуальна для любого правового и демократического государства. Не вдаваясь в детали, отметим, что подходы ученых к ее рассмотрению разнятся. В юридической литературе доминирует точка зрения о том, что «не существует абсолютных прав и свобод, все они могут быть ограничены», а «в условиях чрезвычайных ситуаций осуществление субъективных конституционных прав может быть приостановлено» [21, с. 133–134]. Данный взгляд вполне согласуется с положениями, содержащимися в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Специалисты прогнозируют возможность повторения глобальных пандемий и вспышек разного рода социально значимых заболеваний, представляющих опасность для окружающих. В кризисной, экстраординарной ситуации риски непропорционального ограничения прав и свобод человека растут, следовательно, дополнительного внимания заслуживает контроль со стороны общества.

Правовая действительность демонстрирует проблему не только правовых пределов использования особого правового режима, но и пропорциональности объема должностных обязанностей лиц, наделенных публично-властными полномочиями. Исходя из этого особое звучание приобретает законодательное закрепление круга обстоятельств введения режима повышенной готовности и его границ, четкого перечня прав и свобод, которые могут быть ограничены, механизмов защиты при нарушении прав и свобод, сил и средств, обеспечивающих этот административно-правовой режим.

В современных условиях особое научно-теоретическое значение приобретает ясность и понятность критериев, позволяющих определить правоприменителю соразмерность, обоснованность и допустимость правовых пределов ограничения реализации прав человека, в том числе и на свободу передвижения.

Особенное внимание привлекают к себе граждане пожилого возраста, для которых

в регионах установлены особые ограничения (запреты) на передвижение и социальную коммуникацию. Власти, преследуя превентивные цели в борьбе с пандемией COVID-19, по факту в разы усложнили возможность осуществления основных прав и свобод для лиц в возрасте 65 лет и старше.

Решения уполномоченных лиц о введении различных ограничительных мер (режима самоизоляции) вызывают страх и некоторое недопонимание у населения. Между тем конституционность принимаемых на местах актов была рассмотрена Конституционным Судом Российской Федерации. В его правовой позиции, изложенной в постановлении от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области "О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области" в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области», указывается, что введение временных ограничительных мер, вызванных распространением коронавирусной инфекции, не противоречит Основному закону. Конституционный Суд Российской Федерации «признает право граждан на передвижение, но уточняет, что при реальной общественной угрозе жители должны проявлять "разумную сдержанность", реализуя это право». В постановлении отмечается, что «ограничение свободы передвижения – не то же самое, что ограничение личной свободы».

Представляется, что в контексте рассматриваемого вопроса дополнительного обсуждения требует не сама возможность введения ограничительных мер в условиях глобальной пандемии COVID-19, а лишь правовые пределы и соразмерность таких ограничений, защищающие права граждан пожилого возраста от выхолащивания.

Рассмотрим вопрос на примере положений указа губернатора Воронежской области от 13.05.2020 № 184-у «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Воронежской области в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». Так, согласно п. 4.3

«граждане в возрасте 65 лет и старше обязаны не покидать место жительства либо место пребывания, фактического нахождения, в т. ч. жилые и садовые дома, размещенные на садовых земельных участках». Вместе с тем в положениях указа определены исключительные случаи, среди которых «обращение за экстренной медицинской помощью и иной прямой угрозы жизни и здоровью; следование к ближайшему месту приобретения товаров, работ, услуг, выгул домашних животных на расстоянии, не превышающем 100 м от места жительства (пребывания), вынос отходов; следование к месту (от места) работы (службы), выполнения служебных обязанностей, помощи лицам, нуждающимся в постороннем уходе; посещения государственных органов на основании их вызовов; посещения судебно-экспертных учреждений, адвокатов, нотариусов; посещения медицинских, аптечных, ветеринарных организаций».

Как видно из примера, ограничительные меры не носят характера абсолютного запрета, поскольку допускают возможность передвижения граждан пожилого возраста при наличии уважительных обстоятельств. Вместе с тем особая ограничительная мера – обязанность не покидать место жительства – на территории региона имеет тенденцию к пролонгации, что не может не вызывать определенной обеспокоенности. Проблема усматривается в том, что указанные меры продлеваются с марта 2020 г., а это существенно затрудняет реализацию не только свободы передвижения, но и иных личных прав.

Подобная ситуация характерна для большинства субъектов Российской Федерации. По сути, введение для указанной категории лиц полной изоляции не сопровождается адекватными мерами поддержки, что не исключает проблем, связанных с несбалансированным рационом питания (или его дефицитом), безопасным доступом к деньгам, лекарствам, поддержанием физического здоровья, социальной помощью.

Многие граждане в возрасте 65 лет и старше одиноки либо живут на расстоянии от своих родственников, поэтому полная изоляция (даже с оправданной целью) создает для них дополнительные сложности. Так, активизация процесса цифровизации в период пандемии COVID-19 продемонстрировала наличие у большинства людей старшего возраста сложностей с доступом

к цифровым платформам и отсутствие у них необходимых навыков пользования средствами цифровой коммуникации. Внедряя и активно используя современные цифровые решения, нельзя упускать тот факт, что в силу возраста (из-за потери зрения, слуха или в связи с другими возрастными особенностями) для многих людей даже привычные средства связи недоступны.

В аналитической записке «COVID-19 и права человека», подготовленной экспертами ООН, подчеркивается особая уязвимость людей старшего возраста, указывается, что во многих странах «пожилые люди подвергаются: дискриминации по признаку возраста, а также при оказании медицинской помощи; небрежному отношению и семейно-бытовому насилию; изоляции без доступа к основным услугам» [22].

Понятно, что в условиях пандемии COVID-19 государство оперативно отреагировало на сложившиеся правовые реалии и воплотило новые механизмы реализации прав человека. Хотя такие меры имеют решающее значение для обеспечения безопасности населения страны, очевидно, что они не должны усугублять социальную изоляцию и ухудшать состояние здоровья указанной категории граждан.

Проблема поддержки и сохранения качества жизни людей старшего поколения в условиях самоизоляции носит междисциплинарный характер [2; 15].

Так, согласно утверждениям ряда специалистов в области медицины, длительные ограничения, связанные с возможностью свободного передвижения на свежем воздухе (двигательной активностью), и стресс составляют куда более серьезную угрозу для человеческой жизни, нежели непосредственно коронавирусная инфекция (COVID-19). Следовательно, в этом вопросе крайне важно уделять внимание балансу, который заключается во взвешивании вводимых на длительный период особых ограничительных мер (полной самоизоляции) и основных свобод и здоровья граждан пожилого возраста.

Бесспорно, что принимаемые ограничительные меры не могут отрицать сущностное содержание основных свобод, а именно исключать их осуществление. К примеру, доказано, что инфекция не распространяется на открытом воздухе (кроме случаев близкого контакта здорового человека с больным или носителем вируса болезни),

поэтому не может быть совместимым с существенным содержанием права вводимый запрет для граждан пожилого возраста на прогулки в парках, скверах (на открытом воздухе) по соображениям предотвращения распространения инфекции. В данных обстоятельствах соразмерными являются меры по ограничению предельного количества совместно находящихся лиц в возрасте 65 лет и старше, определение социальной дистанции между ними и продолжительности общения.

Таким образом, защита особо уязвимой категории граждан должна осуществляться не столько в рамках установления более строгих ограничений в части свободы передвижения, а преимущественно путем предоставления им адекватных поддерживающих мер и социальной защиты (доступ к социальной поддержке и предметам первой необходимости для граждан пожилого возраста, находящихся в условиях карантина или самоизоляции, соразмерный и недискриминационный подход к ограничению свободы передвижения, например выделение отдельных временных периодов для посещения ими магазинов, аптек или парковых территорий).

Нельзя не упомянуть существенную помощь людям старшего возраста, оказываемую волонтерами. Акция «МыВместе» проводится с момента введения противоэпидемиологических мероприятий. Организаторами ее выступили Общероссийский народный фронт, «Волонтеры-медики» и Ассоциация волонтерских центров.

Как справедливо отмечает Н. А. Ковтун, «волонтерство выступает новой формой социального обслуживания населения» [9, с. 44]. В частности, в Воронежской области работают мобильные бригады, в составе которых активисты регионального отделения ВОД «Волонтеры Победы», представители студотрядов и регионального Ресурсного центра поддержки добровольчества. Предварительно волонтеры проходят образовательный курс по оказанию помощи пожилым людям в борьбе с коронавирусом на платформе Skill Cup.

Однако оказываемая гражданам пожилого возраста помощь со стороны как работников социальной сферы, так и волонтеров, к сожалению, недостаточна. Люди старшего возраста продолжают нуждаться в получении доступа к социальным пособиям, другим мерам защиты (особенно если не

владеют цифровыми технологиями), а это значит, что и государство, и общество должны активизировать усилия по оказанию своевременной поддержки данной категории граждан, сделать все возможное для сохранения их прав и достоинства, в том числе в период действия режима самоизоляции.

Выводы

Вышеизложенное позволяет заключить, что обеспечение прав человека в той или иной степени представляет собой вызов для каждого демократического государства, поскольку кризис в области общественного здравоохранения на фоне пандемии COVID-19 стремительно превращается в кризис социально-экономический и право-защитный.

Мы считаем, что ограничение реализации прав личности в условиях режима повышенной готовности можно понимать как основанное на законодательстве вмешательство государства (посредством принятия соразмерных мер ограничительного характера) в сферу частной автономии индивида с целью защиты национальной безопасности, общественного порядка, жизни и здоровья человека.

Масштаб и острота пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 свидетельствуют о необходимости и оправданности введения в России режима повышенной готовности для достижения общественной пользы – замедления распространения вируса и защиты здоровья всего населения.

Между тем сложившаяся правовая неопределенность особого правового режима создает затруднения в правоприменении и требует от законодателя безотлагательной регламентации высокого технико-юридического качества в административном законодательстве. Закреплению подлежат: точность и определенность терминологического аппарата; круг обстоятельств введения режима повышенной готовности, временные пределы действия указанного режима; четкий перечень прав и свобод, подлежащих ограничению; механизмы защиты при нарушении прав и свобод; объем дополнительных полномочий специальных субъектов, грани возможного усмотрения; перечень сил и средств, обеспечивающих данный административно-правовой режим.

Перспективу любой глобальной пандемии выстраивать достаточно сложно. Ясно одно: ситуация с коронавирусной инфекцией COVID-19 поставила перед публичной

властью (в рамках государственной политики) не только оперативные, но и системные задачи повышения защищенности граждан старшего поколения. Здесь следует подчеркнуть, что граждане 65 и более лет составляют существенную часть населения страны. Поэтому в принимаемых решениях критически важно поддержание баланса между частными (сохранение защищенности правового статуса) и публичными (предупреждение распространения инфекции) интересами. При его определении базовым является достижение такой согласованности данных интересов, чтобы ценность высшего порядка получила свою защиту. Обеспечение общественного интереса за счет частного возможно лишь при условии, что это способствует обеспечению конституционной демократии.

Таким образом, при введении ограничительных мероприятий, сопряженных с режимом повышенной готовности, должны соблюдаться пределы и условия ограничения прав и свобод граждан 65 лет и старше:

– взвешенная оценка эпидемиологической обстановки;

– значимость, соразмерность и обоснованность проводимых временных административно-правовых мер;

– четкие временные рамки ограничений;

– комплекс адекватных мероприятий, направленных на обеспечение данной категории лиц всем жизненно необходимым.

Общество вынуждено адаптироваться к сложившимся в период действия режима повышенной готовности обстоятельствам, но только при условии соблюдения соразмерности в части принимаемых ограничительных мер. Соразмерность, включающая в себя критерии пропорциональности, обоснованности и допустимости правоограничений, будет выступать своеобразным правовым барьером относительно рисков произвольного ограничения основных прав и свобод человека.

Смеем надеяться, что предпринятая попытка исследования отдельных проблемных аспектов особого правового режима послужит научным подспорьем для дальнейшего совершенствования отраслевого законодательства и практики его применения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие : в 2 томах / С. А. Авакьян. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА М, 2014. – ISBN 978-5-91768-483-3.
2. Активное долголетие: многолетнее клиническое наблюдение / Жданов Р. И., Хабибуллин И. М., Хамматова Э. Ф. и др. // Российский журнал гериатрической медицины. – 2020. – № 4. – С. 339–349. – DOI 10.37586/2686-8636-4-2020-339-349.
3. Алексеев, С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С. С. Алексеев; под редакцией Л. А. Плеханова – Москва : Юридическая литература, 1989. – 288 с. – ISBN 5-7260-0086-2.
4. Алешкова, И. А. Право на свободу передвижения: вопросы теории и практики : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Алешкова Ирина Александровна. – Москва, 2005. – 172 с.
5. Громыко, А. А. Коронавирус как фактор мировой политики / Алексей Громыко // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 2. – С. 5–13. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koronavirus-kak-faktor-mirovoyu-politiki> (дата обращения: 25.02.2021).
6. Дураев, Т. А. Свобода передвижения в доктрине Конституционного Суда Российской Федерации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дураев Таулан Азреталиевич. – Саратов, 2007. – 25 с.
7. Иванова, М. А. Проблемы реализации права граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства / М. А. Иванова // Марийский юридический вестник. – 2015. – № 1 (12). – С. 159–161.
8. Казанцева, Е. В. Реализация права на свободу передвижения / Казанцева Е. В. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Том 5 (71), № 4. – С. 350–357.
9. Ковтун, Н. А. Эволюция законодательного регулирования социального обслуживания в России / Н. А. Ковтун // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 7. – С. 40–44.
10. Кокотов, А. Н. Конституционное право России : курс лекций / А. Н. Кокотов. – Москва : Проспект, 2007. – 296 с. – ISBN 978-5-482-01326-7-6.
11. Крусс, В. И. Ограничения прав человека и правовые ограничения: проблемы доктринального разграничения / В. И. Крусс // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranicheniya-prav-cheloveka-i-pravovye-ogranicheniya-problemy-doktrinalnogo-razgranicheniya> (дата обращения: 03.03.2021).
12. Лимонова, Н. А. Проблемы злоупотребления правами в области свободы передвижения / Н. А. Лимонова // Российская юстиция. – 2014. – № 6. – С. 56–58.
13. Миролюбова, С. Ю. Право на свободу передвижения в пределах Российской Федерации: конституционно-правовой аспект / С. Ю. Миролюбова. – Москва : Статут, 2013. – 154 с. – ISBN 978-5-8354-0948-8.
14. Озель, В. І. Конституційність обмежень прав і свобод людини в умовах карантину / Озель Віталіна Іванівна // DICTUM FACTUM. – 2020. – № 2 (7). – С. 43–51.
15. Петросян, В. А. Новый вектор защиты интересов пожилых людей в условиях самоизоляции: от патогенного к салютогенному пространству / В. А. Петросян // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2020. – № 4. – С. 143–145.

16. Петрухин, И. Л. Правовой режим в условиях социального бедствия / И. Л. Петрухин // Государство и право. – 1993. – № 2. – С. 46–50.
17. Подмарев, А. А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Подмарев Александр Александрович. – Саратов, 2001. – 235 с.
18. Потемкина, О. Ю. Влияние COVID-19 на свободу передвижения и миграцию в Евросоюзе / Ольга Потемкина // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 3. – С. 88–94.
19. Славна, О. В. Нормативно-правовая регламентация обмеження свободи пересування в умовах надзвичайної ситуації в Україні / Славна О. В. // Вісник Пенітенціарної асоціації України. – 2020. – № 2 (12). – С. 30–37.
20. Сорокина, Е. А. Государственная противозидемическая политика: опыт Швеции по противодействию корона-вирусу / Е. А. Сорокина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 42–53. – DOI 10.35750/2071-8284-2020-3-42-53.
21. Хабриева, Т. Я. Теория современной конституции : монография / Т. Я. Хабриева, В. Е. Чиркин. – Москва : Норма, 2005. – 319 с. – ISBN 5-89123-904-3.
22. COVID-19 и права человека: это наше общее дело. – URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/human_rights_and_covid19_russian.pdf (дата обращения: 03.02.2021).
23. Freckelton, I. COVID-19 Curfews: Kenyan and Australian Litigation and Pandemic Protection / Ian Freckelton // Journal of Law and Medicine. – 2020. – Volume 28, no. 1. – Pp. 117–131.
24. Guterres, A. We are all in this Together: Human Rights and COVID-19 Response and Recovery / António Guterres // United Nations. – URL: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/we-are-all-together-human-rights-and-covid-19-response-and> (дата обращения: 03.02.2021).
25. Pandemic lockdown, healthcare policies and human rights: Integrating opposed views on COVID-19 public health mitigation measures / Alexandru Burlacu, Radu Adrian Crisan-Dabija, Adrian Covic, Catalin Raiu, Ionut Mavrichi, Iolanda Valentina Popa, Manuel Lillo Crespo // Reviews in Cardiovascular Medicine. – 2020. – Volume 21, no. 4. – Pp. 509–516.
26. Ramji-Nogales, J. Freedom of movement, migration, and borders / Jaya Ramji-Nogales, Iris Goldner Lang // Journal of Human Rights. – 2020. Volume 19, no. 5. – Pp. 593–602.
27. The impact of the pandemic COVID-19 on the human right to freedom of movement / Valentyn Zolka, OlhaTsarenko, Iryna Kushnir, Serhii Tsarenko, Roman Havrik // European Journal of Sustainable Development. – 2021. – Volume 10, no. 1. – Pp. 376–388.
28. Thym, D. Travel Bans Europe: A Legal Appraisal / Daniel Thym // US Immigration and Asylum Law and policy. – URL: <http://eumigrationlawblog.eu/travel-bans-in-europe-a-legal-appraisal-part-i/> (дата обращения: 03.02.2021).
29. Vansweevelt, T. Healthcare law and the COVID-19 outbreak in Belgium / T. Vansweevelt and F. Dewallens // Medicine and Law. – 2020. – Volume 39, no. 2. – Pp. 131–150.

REFERENCES

1. Avak'yan S.A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyi kurs: uchebnoe posobie: v 2 tomakh* [Constitutional law of Russia. Training course: textbook: in 2 volumes]. 5th edition, revised and supplemented. Moscow: Norma: INFRA M, 2014.
2. Zhdanov R.I., Khabibullin I.M., Khammatova E.F., Aidarov V.I., Zhdanova S.I., Dvoenosov V.G., Khairullin R.N. Active longevity: long-term clinical observation. *Rossiiskii zhurnal geriatricheskoi meditsiny=Russian Journal of Geriatric Medicine*, 2020, no. 4, pp. 339–349. DOI 10.37586/2686-8636-4-2020-339-349. (In Russ.).
3. Alekseev S.S. *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General permission, and general prohibitions in Soviet law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1989. 288 p.
4. Aleshkova I.A. *Pravo na svobodu peredvizheniya: voprosy teorii i praktiki: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Right to freedom of movement: theory and practice: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2005. 172 p.
5. Gromyko A.A. Coronavirus as a factor in world politics. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN=Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2020, no. 2, pp. 5–13. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/koronavirus-kak-faktor-mirovoy-politiki> (accessed February 25, 2021). (In Russ.).
6. Duraev T.A. *Svoboda peredvizheniya v doktrine Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Freedom of movement in the doctrine of the constitutional Court of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saratov, 2007. 25 p.
7. Ivanova M.A. Problems of the realization of the citizens' rights to freedom of movement, choice of location and residence. *Mariiskii yuridicheskii vestnik=Mari Law Vestnik*, 2015, no. 1 (12), pp. 159–161. (In Russ.).
8. Kazantseva E.V. Realization of the right to freedom of movement. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki=Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences*, 2019, vol. 5 (71), no. 4, pp. 350–357. (In Russ.).
9. Kovtun N.A. Evolution of legislative regulation of social services in Russia. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie=Science and Education: Economy; Entrepreneurship; Law and Management*, 2020, no. 7, pp. 40–44. (In Russ.).
10. Kokotov A.N. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: kurs lektsii* [Constitutional law of Russia: a course of lectures]. Moscow: Prospekt, 2007. 296 p.
11. Kruss V. I. Restrictions of human rights and legal restrictions: problems of doctrinal differentiation. *Yuridicheskaya tekhnika=Juridical Technique*, 2018, no. 12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranicheniya-prav-cheloveka-i-pravovye-ogranicheniya-problemy-doktrinalnogo-razgranicheniya> (accessed March 3, 2021). (In Russ.).
12. Limonova N.A. The problem of the abuse of rights in the field of freedom of movement. *Rossiiskaya yustitsiya=Russian Justice*, 2014, no. 6, pp. 56–58. (In Russ.).
13. Mirolyubova S.Yu. *Pravo na svobodu peredvizheniya v predelakh Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovoi aspekt* [The right to freedom of movement within the Russian Federation: constitutional and legal aspect]. Moscow: Statut, 2013. 154 p.
14. Ozel' V.I. Constitutionality of restrictions on human rights and freedoms in quarantine conditions. *DICTUM FACTUM*, 2020, no. 2 (7), pp. 43–51.

15. Petrosyan V.A. A new vector of protecting the interests of older people in self-isolation: from pathogenic to salutogenic. *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya=Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research*, 2020, no. 4, pp. 143–145. (In Russ.).
16. Petrukhin I. L. The legal regime in the conditions of social disaster. *Gosudarstvo i pravo=State and Law*, 1993, no. 2, pp. 46–50. (In Russ.).
17. Podmarev A.A. *Konstitutsionnye osnovy ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Constitutional foundations of the restriction of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2001. 235 p.
18. Potemkina O.Yu. The impact of COVID-19 on freedom of movement and migration in the European Union. *Nauchno-analiticheskii Vestnik Instituta Evropy RAN=Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2020, no. 3, pp. 88–94. (In Russ.).
19. Slavna O.V. Regulatory regulation of restriction of freedom of movement in the conditions of emergency situation in Ukraine. *Bulletin of the Penitentiary Association of Ukraine*, 2020, no. 2 (12), pp. 30–37.
20. Sorokina E.A. State anti-epidemic policy: Swedish experience in countering coronavirus. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii=Bulletin of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3 (87), pp. 42–53. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-42-53. (In Russ.).
21. Khabrieva T.Ya., Chirkin V.E. *Teoriya sovremennoi konstitutsii: monografiya* [Theory of the modern constitution: monograph]. Moscow: Norma, 2005. 319 p.
22. *COVID-19 and Human Rights. We are all in this together*. Available at: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/human_rights_and_covid19_russian.pdf (accessed February 3, 2021). (In Russ.).
23. Freckelton I. COVID-19 curfews: Kenyan and Australian litigation and pandemic protection. *Journal of Law and Medicine*, 2020, vol. 28, no. 1, pp. 117–131.
24. Guterres A. *We are all in this together: human rights and COVID-19 response and recovery*. Available at: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/we-are-all-together-human-rights-and-covid-19-response-and> (accessed February 3, 2021).
25. Burlacu A., Crisan-Dabija R.A., Covic A., Raiu C., Mavrichi I., Popa I.V., Crespo M.L. Pandemic lockdown, healthcare policies and human rights: Integrating opposed views on COVID-19 public health mitigation measures. *Reviews in Cardiovascular Medicine*, 2020, vol. 21, no. 4, pp. 509–516.
26. Ramji-Nogales J., Lang I.G. Freedom of movement, migration, and borders. *Journal of Human Rights*, 2020, vol. 19, no. 5, pp. 593–602.
27. Zolka V., Tsarenko O., Kushnir I., Tsarenko S., Havrik R. The impact of the pandemic COVID-19 on the human right to freedom of movement. *European Journal of Sustainable Development*, 2021, vol. 10, no. 1, pp. 376–388.
28. Thym D. Travel bans Europe: a legal appraisal. *US Immigration and Asylum Law and Policy*. Available at: <http://eumigrationlawblog.eu/travel-bans-in-europe-a-legal-appraisal-part-i/> (accessed February 3, 2021).
29. Vansweevelt T., Dewallens F. Healthcare law and the COVID-19 outbreak in Belgium. *Medicine and Law*, 2020, vol. 39, no. 2, pp. 131–150.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА ЗАРЯЕВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры специальной подготовки Воронежского института повышения квалификации сотрудников Государственной противопожарной службы МЧС России, г. Воронеж, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9496-2520>, e-mail: nzaryaeva@yandex.ru

ИННА ЛЕОНИДОВНА ОЛИЙНЫК – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета подготовки специалистов для судебной системы Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, г. Воронеж, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8317-1128>, e-mail: oliynyk_k_ap@mail.ru

NATAL'YA P. ZARYAEVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Special Training, Voronezh Institute of Advanced Training of Employees of the EMERCOM of Russia, Voronezh, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9496-2520>, e-mail: nzaryaeva@yandex.ru

INNAL. OLIYNYK – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of State and Legal Disciplines, Faculty of Training Specialists for the Judicial System, Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8317-1128>, e-mail: oliynyk_k_ap@mail.ru

Статья поступила 20.02.2021